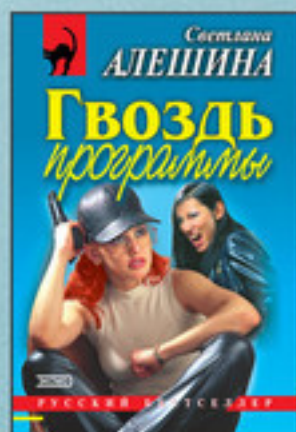

Светлана Алешина

Гвоздь программы

Часть сборника
Гвоздь программы (сборник)

Александра

Светлана Алешина
Гвоздь программы

«Научная книга»

2000

Алешина С.

Гвоздь программы / С. Алешина — «Научная книга»,
2000 — (Александра)

«...Я никогда не собиралась быть детективом. Если честно, я даже не читала никогда подобное чтиво – это мама тащится от Чейза и Кристи. Поэтому сейчас я сидела, вылупившись на Ларикова, и пыталась «логически» осмыслить происходящее.– Но ведь я не юрист, – робко проговорила я.– Понимаете, Сашенька, мой практический опыт показал мне, что для того, чтобы расследовать преступление, не надо быть юристом...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Алешина

Гвоздь программы

Глава 1

«Если тебе не нравится сегодняшний день, Александра, это еще не значит, что ты имеешь право проспаться его».

Голос моего рассудка в очередной раз пытался пробудить во мне совесть. Ненавижу понедельники! Особенно такие, когда солнце палит немилосердно, а тебе надо опять ходить по душному городу в поисках работы.

Ох уж эта работа! Везде, куда я пыталась устроиться, встречали неодобрительно мои манеры, мою внешность и мое жизненное кредо. Не находя абсолютно никакого компромисса, мы легко расставались с предполагаемыми боссами. Их не устраивал мой взгляд на моральные ценности и мой чересчур независимый вид, а меня – необходимость лицемерия. Поскольку относиться к ним лучше, чем они в основе своей того заслуживали, я не могла. Однако жизнь диктовала мне свои условия – существовали мы с мамой на ее крошечную зарплату учительницы, и надо было что-то срочно придумать.

«Сегодня я соглашусь на любое предложение, – решила я. – Даже если от меня потребуют нравственного падения».

Собственно, чего-то подобного я и ожидала. Накануне я обнаружила в газете странное объявление: «Требуется девушка, готовая рисковать, с веселым нравом. Звонить до двух часов ночи».

Далее следовал телефон. Я набрала номер и услышала приятный мужской голос:

– Да?

– Я по объявлению, – сообщила я.

– Что вас интересует?

– Я бы хотела узнать, что у вас за работа.

Он замялся. Я сразу начала подозревать самое страшное и испытала жгучее желание повесить немедленно трубку. Лучше уж торговать газетами, честное слово!

– Давайте встретимся, и я все вам объясню...

– Давайте, – ляпнула я раньше, чем мой рассудок успел этому воспрепятствовать.

Он назначил мне время, я согласилась, и вот сегодня, в понедельник, я должна была подъехать на улицу немецкую, дом тридцать, дабы встретиться с неким Андреем Юрьевичем Лариковым.

Вывалив на пол содержимое своего платяного шкафа, я задумчиво уставилась на то, что имелось у меня в наличии: джинсы, майки и шорты. Всего одна юбка. Я ее надела, и теперь разглядывала свое отражение в зеркале с недоумением. Юбки почему-то мне не шли – если это не были мини. Поэтому я смотрела на безобразие, явившееся в зеркале, и думала, как можно быть такой уродливой и почему мои обычно стройненькие и длинные ножки сейчас смотрятся толстыми колбасками? И откуда у меня вдруг появилась такая необъятная задница?

Теперь понятно, почему меня не брали на работу!

Уж лучше я явлюсь пред очи Андрея Юрьевича Ларикова неформалкой, чем скромной толстухой, и я вытащила из кучи свои любимые шорты, а все свое богатство запихала в шкаф. В шортах моя фигура стала нормальной, правда, теперь мне с трудом можно было дать лет шестнадцать.

Ну и ладно, буркнула я. Пусть воспринимает меня такой, какая я есть. И в конце концов, если он собирается предложить мне что-то не совсем приличное, пусть двадцать раз подумает, прежде чем предлагать подобное несовершеннолетней.

Свои непослушные рыжие кудряшки я для более сильного эффекта заплела в две косички и теперь была вполне довольна своим видом.

Можно было отправляться на Немецкую, дабы предстать перед Андреем Юрьевичем Лариковым.

* * *

Я шла по улице, бережно неся пакет, рекламирующий «Ротменс», в котором покоился мой диплом, согласно которому я, Александра Сергеевна Данич, признавалась специалистом по французскому языку и литературе. Точнее – по старофранцузскому. Уж зачем он был мне нужен – до сих пор не пойму. Когда я протягивала этот диплом в оптовой фирме, на меня посмотрели с плохо скрытым ужасом, как будто я им протянула гремучую змею. Никакой гарантии, что мой диплом не произведет такого же отталкивающего впечатления на господина Ларикова, не было. Но на всякий случай я прихватила его с собой – пусть не думают, что я пребываю во тьме непросвещенности.

До Немецкой от моего дома не так уж и далеко, можно добраться пешком. В такую жару городской транспорт меня раздражал.

Дом я нашла быстро и поднялась на третий этаж. Мне показалось немного странным, что Андрей Юрьевич расположился со своим офисом в многоквартирном доме. Я нажала на кнопку звонка и услышала: «Открыто!»

Пожав плечами, толкнула дверь и оказалась в обычной квартире, светлой и просторной, но, увы, пребывающей в состоянии жуткого беспорядка.

– Александра Сергеевна, это вы? – донесся из глубины квартиры веселый голос. – Минуточку обождите, хорошо?

Я кивнула и сказала:

– Не беспокойтесь.

Пройдя в комнату, я села в кресло и начала осматривать помещение.

По стенам высились стеллажи, заполненные книгами. На окне стоял приемник, из которого неслись позывные «Серебряного дождя». «Слава богу, что он любит нормальную музыку», – подумала я.

Он вылетел из соседней комнатки такой взъерошенный, что я не смогла удержаться от улыбки.

Представьте себе длинного, как жираф, молодого человека с огромными печальными глазами. Вот вам и получится Андрей Юрьевич Лариков.

– Простите, что я вас задержал, – сказал он, садясь напротив меня. – Надо было проявить срочно пленку, сейчас придет клиент, а мне приходится все делать одному.

Доверие, возникшее к нему, моментально испарилось. Что за пленки он там проявляет для клиентов? Порнуху, как пить дать... Я нахмурилась и потупила свои глаза. Пусть не думает, что я соглашусь на его непристойные предложения с легкостью.

Он расценил мое замешательство как укоризну и опять принялся извиняться:

– Александра Сергеевна, я понимаю, что вы занятой человек, но...

– Да нет, – призналась я. – Вовсе я ничем серьезным не занята.

– Тогда начнем? – обрадовался он.

– Что начнем? – напряглась я.

– Разговор, – улыбнулся он. – Надо же нам познакомиться, прежде чем мы решим, станем ли вместе работать.

* * *

Я выложила перед ним свой диплом, предчувствуя его разочарование. Сама я при этом испытывала некоторое злорадство – после моих «хождений по мукам» абсолютная непригодность в этой жизни специалиста по старофранцузской литературе стала для меня чем-то вроде креста, который несет на себе страстотерпец. Особенную радость доставляли мне недоумевающие нувориши, которые тщились понять, каким образом можно практически применить мои широкие познания в таком предмете.

Мой визави нисколько не смутился, даже наоборот, взглянул на меня с интересом и спросил:

– И вы, Александра Сергеевна, знаете старофранцузский на «отлично», как здесь записано?

– Да, – кивнула я.

– Удивительно! – обрадовался он, как будто ему был срочно необходим знаток творчества Франсуа Вийона. – Я бы не догадался, что такое юное существо интересуется подобными вещами!

– Так получилось, – хмуро сообщила я.

– А можно поинтересоваться, что еще вы любите кроме старофранцузского языка?

– А можно поинтересоваться, чем занимается ваша фирма? – ответила я на его вопрос вопросом.

– Ах, да... Наверное, пора перейти к откровенному разговору...

Он встал. Я почувствовала, как мое сердце сжалось. Значит, все-таки это то, что я думала. Сейчас мне предложат сниматься для порнографического журнала или еще какую-то гадость. Конечно, глядя на него, трудно предположить, что этот человек обладает порочным нравом, но сколько уже на моем пути встречалось подлецов с обаятельной внешностью?

– Работа у нас, Сашенька, непростая и нестандартная. Я вот не знаю даже, как вам преподнести так, чтобы вы не испугались...

– Да уж преподнесите как-нибудь, – пробормотала я.

– Наверное, ваши знания и не пригодятся, но... Возможно, что именно им вы будете обязаны успехом. Куда больше вам понадобятся быстрые ноги, наблюдательность и умение логически мыслить, но думаю, вы этим не обделены, раз уж разобрались в старофранцузском... Дело в том, Саша, что мне нужен помощник. А именно – человек, который совместит работу секретаря и детектива...

* * *

Я никогда не собиралась быть детективом. Если честно, я даже не читала никогда подобное чтиво – это мама тащится от Чейза и Кристи. Поэтому сейчас я сидела, вылупившись на Ларикова, и пыталась «логически» осмыслить происходящее.

– Но ведь я не юрист, – робко проговорила я.

– Понимаете, Сашенька, мой практический опыт показал мне, что для того, чтобы расследовать преступление, не надо быть юристом. Кроме того, ваши задачи будут довольно скромными – иногда мне может потребоваться помощь в добывании каких-то сведений. И, ради бога, не пугайтесь так – в частные агентства обращаются в основном с семейно-бытовыми проблемами. Будем надеяться, что нам не придется сталкиваться с настоящими преступлениями!

Я судорожно глотнула, пытаясь подавить в себе нехорошее предчувствие, что Лариков жестоко заблуждается и все самые сложные преступления не преминут свалиться именно на

наши с ним головы, и собралась отказаться. Я даже уже открыла рот, чтобы поблагодарить его от души и сообщить, что не смогу работать в агентстве, но...

Раньше, чем я успела все это выпалить, я отчего-то улыбнулась и сказала:

– Хорошо. Если моя кандидатура вас устраивает, я согласна...

* * *

Не знаю, что на меня нашло. Я даже не поинтересовалась, сколько буду получать за работу. Я даже не удосужилась уточнить, в чем, собственно, она будет заключаться! Неужели мама права и я – воплощение легкомысленности и неприспособленности к жизни? Как я вообще собираюсь заниматься тем, чем никогда в жизни не занималась?

– Так чем еще вы увлекаетесь? – долетел до моего затуманенного сознания голос Ларикова.

– Мотоциклами. Только я не люблю с ними возиться, я умею на них ездить...

Он удовлетворенно хмыкнул.

– А как насчет средств самообороны?

– У меня первый разряд по фехтованию. Еще я умею стрелять и владею карате.

Про последнее я немного приврала. Мои познания в этой сфере ограничивались одним-двумя ударами, которым обучил меня Пенс. В болевые точки ребром ладони или носком ботинка.

– Сашенька, вы созданы для этой работы! – воскликнул Лариков. – Компьютер знаете?

– Немного.

– Ничего, научитесь... Фотографировать умеете? С видеокамерой знакомы?

Здесь я честно могла признаться, что знакома. И фотографировать тоже умею.

Кажется, я ему понравилась. Он буквально пожирал меня восхищенными глазами.

– Теперь об оплате... Конечно, пока у нас не густо с деньгами. Мы работаем недавно, и наши гонорары невелики. Но – двести в месяц для начала вас устроит?

Я прикинула и поняла, что двести в месяц меня никак не устроит. И с сожалением собралась проститься, но он остановил меня:

– Долларов, Сашенька!

Я остановилась и вытаращилась на него. Подсчитав в уме, что для начала это совсем не плохо, я кивнула головой и сдалась окончательно, когда он добавил:

– Естественно, это без ваших процентов от ведения дела.

Так как с процентами получалось еще больше, чем двести долларов, я начала таять, как мороженое на солнце. Я сейчас была готова согласиться на любую работу – даже на эти его расследования. Бог с ним, как-нибудь выкручусь, в конце концов, надо попробовать, может быть, получится?

* * *

Вот так я устроилась на работу и до сих пор не понимаю, как Лариков распознал во мне детектива. Иногда я спрашиваю его:

– Ларчик, почему ты тогда взял меня?

Он хитро улыбается и, помолчав немного, говорит:

– Ты была такая смешная, что я просто не смог отказать себе в удовольствии наблюдать такую особу ежедневно.

Но это в шутку. А серьезно – он помалкивает, потому что боится, что я зазнаюсь.

Может быть, он прав. Хотя мог бы иногда сделать мне приятное, признав мои безусловные таланты! Но что с них, мужчин, возьмешь?

* * *

Как это ни странно, мое обретение работы никого особенно не обрадовало.

Первым делом я рванулась к своему лучшему другу Пенсу – Сережке Зинченко, который торчал в гараже, пытаясь привести в порядок свою «Судзуки». Последняя поездка отчего-то довела несчастную машину до такого изнеможения, что теперь бедняга Пенс печально разглядывал мотор с таким видом, как смотрят на безнадежно больного.

– Пенс, я устроилась на работу! – сообщила я ему, сияя.

Он меланхолично кивнул, не удостоив меня взглядом, и пробормотал:

– Я рад.

Я прекрасно видела, что радости он не испытывает.

– У тебя проблемы? – озабоченно поинтересовалась я.

– А? – поднял он на меня глаза. – Да нет, Сашка. Все в пределах нормы. Даст бог, выкручусь...

Меня обмануть довольно трудно – я чувствую, когда у человека дела в пределах нормы, а когда он близок к суициду.

– Пенс! – позвала я его опять. – Я же вижу, что тебя одолевают мрачные мысли о бренности существования. Если ты решил искать смысл жизни, то не затрудняйся. И умнее тебя народ головы положил, пытаясь найти ответ на вопрос «быть или не быть?». Лучше поведай старушке Александрине, что за напасти тебя одолели!

Бестолковое предложение! А то я не знаю Пенса – умирать будет, а промолчит. Не любит Пенс на других свои проблемы вешать, и никто его переубедить не может. Даже я – а уж мне-то Пенс верит.

Мы с ним дружим с самого детства. Так уж сложилось, что я его всегда защищала, потому что Пенс моложе меня на три года. Мне двадцать три, а ему двадцать. Сейчас наша разница в возрасте не бросается в глаза, а тогда он был маленький смешной парнишка с грустными глазами, как у олененка Бемби. Я же всегда была дикой и необузданной девицей. Папа называл меня «Валькирией», потому что, когда я неслась по двору с развевающейся гривой рыжих волос, впечатление было как от урагана. Так как воспитана я была на литературе, подобной книге Томаса Мэлори о короле Артуре и его рыцарях, в голове моей вечно гнездились мысли о несправедливо обиженных, коих я призвана была защищать. Дралась я неплохо. А мой бедный Пенсик был мальчиком интеллигентным и совершенно не способным ударить человека. Вот мы с ним и подружились тогда, и я на всю жизнь усвоила, что Пенс для меня как львенок для львицы – не приведи Господь обидеть его.

Так что сейчас Пенс молчал, а я прикидывала в уме, тренируясь для будущей работы, откуда, собственно, могли свалиться на бедную Пенсову голову неприятности. То, что они серьезные, я не сомневалась – Пенс не тот человек, чтобы по пустякам так озадачиваться.

* * *

Я не заметила, как стемнело. Все мои логические рассуждения ни к чему не привели, а завтрашний день должен был стать моим первым рабочим днем.

– Пенс, ты вредный, – наконец возмутилась я. – Неужели ты не хочешь, чтобы я помогла тебе?

– Ты не сможешь, – отрезал он.

– Ну конечно, – усмехнулась я. – Что же у тебя за проблемы такие, что никто их не может решить?

– Проблемы моей собственной глупости, – еле слышно выговорил Пенс и опять надолго замолчал, давая понять мне, что мое дальнейшее вторжение в его жизнь он посчитает бестактным и неуместным.

– Ну ладно, – вздохнула я. – Время уже позднее. Мне пора.

Я встала. Надежда, что Пенс одумается и расскажет мне о своей беде, меня не оставляла, но он только кивнул, не отводя взгляда от «Судзуки».

– Пенс, ты что, прощаешься с ним, что ли? – вскипела я. – В конце концов, завтра я выхожу на работу и бог знает когда смогу к тебе прийти, а ты не отводишь влюбленного взора от своего коняги! Есть у тебя в душе хоть что-то святое?

Пенс рассеянно посмотрел в мою сторону и пожал плечами.

Если бы я тогда была повнимательнее, я бы поняла, что он действительно прощался со своим железным приятелем. Но – увы! Моя голова была занята целиком предстоящей работой, приключениями и подсчетом будущих огромных, по моим понятиям, денег.

Поэтому я обиделась на его невнимание и вышла из гаража.

* * *

Улица встретила меня еще не остывшим от дневной жары воздухом.

Где-то в половине третьего ночи на город все-таки опустится прохлада, но сейчас, к сожалению, темнота еще не обещала облегчения.

Я ненавижу лето. Не знаю, что в нем может быть хорошего – разве что обилие зелени, которая, впрочем, быстро чахнет под немилосердно раскаленными лучами солнца. Последнее время жара в тридцать пять – сорок градусов, увы, стала для наших краев нормальным явлением, и мне неважно находиться летом в «средней полосе». Хочется куда-нибудь в Антарктиду, ей-богу.

Но это кому что нравится. Я люблю осень и весну.

В общем, выйдя на улицу из душного гаража, я не заметила особенной разницы. От асфальта шел жар, и воздух напоминал мне раскаленное пекло.

Возле моего дома примостился пивной ларек, у которого толпились страждущие. Я прошла мимо них, задрав голову, и убедилась, что в наших окнах горит свет, значит, мама дома.

Окна были открыты, мама пыталась впустить свежий воздух, хотя я убеждена, что в нашем городе свежего воздуха так мало, что скоро его начнут продавать унциями или гранами в аптеке.

Впереди маячила возможность принять прохладный душ, и это было самой радостной мыслью.

Поэтому я собрала последние силы и стремглав взлетела на четвертый этаж.

* * *

Тарантул пытался снова подползти к Димке, схватить его своими мохнатыми щупальцами.

– Господи... – прошептала Лиза одними губами. – Господи, защити его!

Тарантул двигался неуверенно, шаткие длинные его ножки топали по маленькому Димкиному телу. Лиза отмахнулась.

Где-то раздавался мерный стук, как будто в соседней комнате рушили стену.

Лизе было так страшно, что холодный, липкий пот начал струиться по ее коже, и она закричала:

– Господи, да огради же нас от этой ужасной твари!

Темный мир завертелся и лопнул, разрываясь на мелкие разноцветные шары.

Она проснулась оттого, что Виктор тряс ее за плечо.

– Лиза, что с тобой? Опять?

Она бессмысленно таращилась в темноту, и, когда поняла, что отныне даже в снах Димка будет приходить только вместе с тарантулом, унесшим его, она заплакала.

Не было в этих слезах облегчения, потому что сердце ее пожирала жажда мести. Где-то под этим жарким солнцем и голубым небом, в мире, где для ее Димки больше нет места, продолжает жить виновник его смерти. Виновник ее мук. Виновник... Он пьет вино, веселится, смеется – а Димкино хрупкое тельце в этот момент подвергается могильному тлению...

Она могла бы справиться с болью, уничтожающей ее. Но с этой яростью, которая не имела выхода, – о, с этим Лизе было не совладать! Не помогли ни увещевания, ни молитвы, ни самовнушение.

Ясно и четко она видела огромного, мохнатого, ядовитого тарантула, уносящего от нее в своих жадных лапах драгоценное тельце ее маленького сына.

Глава 2

Я проснулась от легкого ветерка, коснувшегося моей щеки. День еще не наступил окончательно, в комнате господствовал полумрак. Потянувшись, я с удивлением обнаружила, что спать мне совсем не хочется, напротив – весь мой организм наполнился энергией, а я ощущала небывалый интерес к жизни.

Вскочив, я вылетела на кухню и поставила чайник. Подпевая незатейливой мелодии, льющейся из приемника, умылась и посмотрела на часы.

Была половина шестого утра. На улицах еще царила тишина, утренний воздух был свеж, а поэтому я охотно подставила свое лицо первым лучам солнца.

– Ну, здравствуй, солнышко, – поздоровалась я с ним. – Ты уж сегодня не пеки нещадно мою бедную голову...

– Неужели моя дочь на кухне появилась, – услышала я за спиной голос мамы. – Что заставило мою драгоценную девочку подняться в такую рань?

– Жажда жизни, ма, – улыбнулась я. – Удивительно, не правда ли?

– Да уж, – согласилась она. – Я как-то привыкла к тому, что на тебя жажда жизни нападает не раньше одиннадцати.

– Так я же сегодня иду на работу!

– Господи, Саша, да разве это работа? Ты бы выбрала что-нибудь более для себя подходящее, – продолжила мама вчерашний спор. – Подумай сама – какой из тебя детектив? Этот Лариков просто шарлатан какой-то! Я бы поняла еще – секретаршей. Но – детективом! Тоже мне, Майка Хаммера нашел!

– Я очень скромно и ненавязчиво буду слеживать за изменницами и изменниками. Так что не беспокойся!

– Саша, а вот это безнравственно! – сердито высказалась мама. – Что это за работа – подглядывать? Ты что, филерша?

– Мама, за это платят деньги! А изменять, между прочим, как раз безнравственность и есть! Сама мне это внушала.

– Не нам с тобой судить. Это я тебе тоже внушала!

– Ма, я и не собираюсь устраивать суды с присяжными! Но – кушать-то нам с тобой хочется? Поэтому давай не будем подвергать критике мою новую работу!

Она рассеянно кивнула. Спорить со мной было бесполезно – это она поняла уже давно, поскольку упрямство было моей отличительной чертой. Как и чувство противоречия.

Может быть, поэтому я и люблю Вийона, чьи стихи сотканы из противоречий?

* * *

Телефон надрывался, как больной в припадке истерики.

Пенс посмотрел на часы.

Какой идиот мог звонить в такое время?

«Не обманывай себя, Сереженька, – приторно ласково прошептал внутри его отвратительный голос опасности. – Сам знаешь, кто это».

Он сел на кровати, протянув руку к трубке, и тут же отдернул ее. Укус бывает смертельным, Пенс. Может быть, сделать вид, что тебя дома нет?

Но он знал – это ни к чему не приведет. Они будут звонить все время, пока его не достанут. Они знают, что он здесь, ему некуда деться.

«Ты в мышеловке, мой птенчик, ты в силках, умело расставленных чьей-то недоброй рукой...»

Если бы Пенс мог заткнуть этот голос внутри его, обдающий холодом страха, он бы так и сделал.

Но...

Жизнь надо принимать такой, какая она есть. Даже если она тебе не очень нравится в ее теперешнем обличье.

Сколько раз Пенс думал, что ему поможет самоубийство. Просто возьми в руки лезвие, малыш, а? Сам увидишь, как вместе с кровью уходят твои проблемы!

Но решиться на это не было сил. Он оставлял это на крайний случай. Если не хватит денег, вырученных от продажи «Судзуки», тогда конечно. Тогда он это сделает, но не сейчас.

Он собрался с силами, судорожно вздохнул, поднял трубку и тихо произнес:

– Я слушаю.

– Надо же, он нас слушает!

Голос был омерзительным, а то, что абонент считал смехом, более напоминало Пенсу карканье ворон над его могилой.

– Как с выплатой долга, дружок? Разве ты не знаешь, что счетчик включен?

– Я его еще не видел, он пропал!

– Меня уже не интересует Толстый, дружок, – ехидно пропел голос в трубке. – Толстый почти труп, а вот ты... Последний срок – завтра. Не будет денег – не будет твоей квартиры.

Трубку повесили. Пенс закрыл глаза. Ему хотелось закричать. На пороге возникла мать и обеспокоенно спросила:

– Сережа, что случилось? Кто звонил в такую рань?

Пенс сглотнул комок, появившийся в горле, и пробормотал:

– Ошиблись номером, мама. Всего лишь ошиблись номером...

* * *

Лариков встретил меня у входа в дом. Он стоял и ежеминутно поглядывал на часы, что говорило о его крайнем нетерпении.

– Простите, что я опоздала, – подошла я к нему.

Он взглянул на меня и улыбнулся. Улыбка у него была мальчишеская.

– Что вы, Саша! Просто я спешу, а ключ вам вчера передать забыл.

Он протянул мне ключ и уже развернулся, чтобы уйти, но я остановила его вопросом:

– А что мне делать?

– Сегодня? – удивился он, как будто, по его соображениям, сегодня все дела были неуместны. – Ну, отвечайте на звонки. Придумайте что-нибудь, пока я не вернусь, ладно?

С этими словами он умчался вдоль по улице с быстротой болида.

– Да уж... – пробормотала я. – Ничего себе работа – придумай что-нибудь...

Я покачала головой и поднялась на третий этаж. Открыв дверь, я осмотрелась. А ничего и не надо придумывать вам, Александра Сергеевна, весело подумала я. Тут уборки на целый день.

Засучив рукава и найдя у него тряпку и старую, облезлую швабру, я принялась за эти авгиевы конюшни.

По местной радиостанции передавали новости, а я вытирала пыль, разбирала завалы из бумаг, созданные талантливой рукой Ларчика, и думала о том, сколько же надо было потратить усилий для создания такой свалки.

* * *

Каждое утро превращалось для Лидии Владимировны в пытку. Она просыпалась, и сон, ее спасительный сон, приносящий забвение, уходил, оставляя ее один на один с бессмысленным и страшным дневным одиночеством.

Первое время Лидию Владимировну не оставляла надежда, что ее муж вернется. Произошла ошибка, говорила она себе. Просто маленькое недоразумение, не более. Сейчас дверь откроется – и он появится на пороге.

Но со временем это ожидание стало болезненным, разрушающим ее куда более, чем скорбь.

Однажды она проснулась так же, как теперь, и с удивлением обнаружила, что боли больше нет. Она ушла, ушла вместе с мужем, оставив после себя только шрам на сердце. Вместо боли в ее душу вошли ярость и страстное желание отомстить тем, кто так немилосердно разрушил ее жизнь, превратив существование в сплошное чувство вины за тот день, когда ее муж лежал, как брошенный щенок, один. А она, ничего не подозревая, покупала себе платье. Странно, тогда ей безумно понравилось черное платье, и теперь она не снимала его – и поклялась не снимать до того момента, пока виновник не будет повержен точно так же, как он поверг в прах всю ее жизнь.

Питаясь чувством мести, Лидия Владимировна перестала плакать о муже. Потом она позволит себе эту роскошь, когда увидит, как кровь вытекает вместе с жизнью того существа, которое... Нет, не надо об этом пока.

Она еще не знала, как она это сделает. Однажды она попросила своего знакомого, бывшего работника милиции, раздобыть для нее оружие. Он посмотрел на нее и спросил:

– Лида, зачем?

– Чтобы спокойно спать по ночам, – передернула она плечами, радуясь, что в этих словах есть правда.

Когда она сможет отомстить, сон вернется к ней. Спокойный сон. Где ей перестанет сниться Тарантул, уносящий жизнь из тела ее мужа.

А пока она ждала. Терпеливо ждала, зажигая свечу перед фотографией, на которой еще молодой и грустный Игорь смотрел на нее, словно прося оставить его убийцу в покое.

«Тебе не принесет это облегчения», – как бы говорил его взгляд.

– Нет, милый, – грустно улыбалась Лидия Владимировна. – Я не смогу жить, пока его жизнь преисполнена животной радости. Я не смогу жить, пока он не наказан.

* * *

Никто не звонил. А Лариков явно не торопился возвращаться. Наведя идеальный порядок, я сидела, скрестив ноги, задумчиво рассматривая потолок и слушая радио. Сигарета в моих пальцах дымилась, кофе стоял передо мной, и жизнь казалась мне прекрасной.

Можно было сосредоточиться на Вийоне. Моя светлая любовь к этому поэту превосходила рамки разумного. В юности я даже написала стихотворение, выражающее всю глубину моего нежного чувства. Не помню уже его, но конец почему-то сохранился в моей памяти: «Коль ты в аду, дойду до ада – там поцелую наконец».

Засунув беднягу в ад, я, конечно, испытала легкие угрызения совести – с чего бы ему там оказаться? В конце концов, если ему и были свойственны пороки, то все это с лихвой окупалось его мастерством слагать стихи. Так что скорее всего мой возлюбленный поэт прекрасно распевал свои стихи пред лицом Божиим.

По радио музыка сменилась истерическими завываниями восторженной девицы, которая сквозь радостные всхлипы поведала, что завтра в Тарасов, наконец-то, приедет великий Тарантул, и по этому поводу состоится прямой эфир с ним, таким замечательным, таким грандиозным, таким неповторимым. Я усмехнулась. Этого козла я ненавидела. Уж лучше всю жизнь слушать Натали, она хотя бы безвредна. Тарантула, или Александра Кретова, я слушать не могла. Эти его глупые вопли про «Люцифера – нашего князя» наводили меня на грустные размышления, что с возрастом некоторые люди не умнеют, а впадают в маразм. Тарантул, по моему подозрению, пребывал в нем постоянно, так, что стал опасен для окружающих.

Восторженная девица не преминула порадовать мой слух бездарным творением Тарантула, в котором он пригрозил скорой смертью всем евреям. Почему он решил с ними расправиться, для меня осталось загадкой. Впрочем, на месте психотерапевтов я бы уже давно делала его подопытным кроликом для испытания новых психотропных средств. Что-то у парня все-таки с головой не в порядке.

Потом, когда он наконец утихомирился, девица еще раз проворковала, что завтрашний день станет самым великим в жизни нашего города, и заткнулась.

Слава богу, пробурчала я про себя. И вспомнила, что надо бы позвонить Пенсу. Узнать, как у него сегодня настроение. Мои логические рассуждения ни к чему не привели – наверное, я еще недостаточно в этом преуспела. Что за темные силы гнетут моего бедного друга?

Набрав его номер, я долго слушала длинные гудки. Пенса дома не было. Меня это немного удивило. Обычно Пенс приходил домой поздно, спать ложился ближе к утру, и дрых часов до двенадцати. Значит, сейчас он должен быть дома.

Подождав еще, я повесила трубку, и весьма кстати. Потому что дверь хлопнула, и на пороге показался Лариков, изумленно и немного недовольно вытаращившийся на прибранную комнату.

– Что это? – спросил он, облизнув пересохшие губы.

Я почла это за выражение безграничного восторга и скромно улыбнулась.

– Я навела порядок, вы не против?

– Н-нет...

Он присел в кресло и опять окинул комнату печальным взглядом.

– А бумаги? – наконец спросил он. – Вы их выкинули?

Наверное, он принимает меня за идиотку, вздохнула я.

Встав с кресла, я открыла шкаф и показала ему на аккуратно сложенные в папочки драгоценные листочки.

– Вот. Здесь все по номерам.

Он бросился их просматривать так, что мне стоило обидеться. Но я решила сдержаться. Пока.

Наконец он обернулся, и в его глазах сверкнула радость.

– Сашенька, да вы сокровище! – вскричал он.

Слава богу, что ты это признал, подумала я. Потому что мне очень понравилось это место. И я хотела бы остаться здесь надолго.

* * *

Вера поставила свечу, перекрестилась и уже собралась выйти из церкви, как услышала:

– Вера!

Обернувшись, она встретила глазами с отцом Георгием.

– Подожди, – попросил он ее.

Вера вернулась к нему.

– Когда ты придешь на исповедь? – тихо спросил он.

Вера опустила глаза и промолчала.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал отец Георгий. – Предоставь мщение Господу, Вера. Не наше это с тобой право и дело...

Она кивнула.

– Я знаю, батюшка. Не бойтесь за меня.

– Приди завтра на исповедь, хорошо? – попросил он, продолжая смотреть на нее обеспокоенно.

– Я... Пока я не могу, батюшка, – почти прошептала Вера.

Он коснулся ее головы и сказал:

– Благословляю тебя, но не на то, о чем ты мечтаешь каждый день и каждую ночь. Вспомни, Вера, разве в мести находим мы утешение? Грех порождает грех, зло порождает зло... Знаю, что иногда тебе больно дышать, когда ты вспоминаешь про это. Но – девочка моя, укрепись и потерпи во имя Господа. Прочти псалмы – разве нет там ответа?

Она опять машинально кивнула, зная, что он прав. Но в груди ее сжалось сердце. И оно молило об отмщении.

Только так я смогу уничтожить память о Тарантуле, подумала Вера, пристально глядя туда, где среди других заупокойных свечей стояла ее свеча.

За упокой души ее убиенного жениха, с которым они должны были обвенчаться несколько лет назад...

Она тряхнула головой, пытаясь избавиться от головной боли. Последнее время головная боль была такой же неременной спутницей, как и душевная.

А тот, кто тогда стоял, усмехаясь, рассматривая ее, Веру, поверженную, в растерзанной одежде, тот, кто спокойно наслаждался, наслаждается и сейчас.

– «Нет! – донесся до Вериного слуха голос из прошлого. – Не смей ее трогать! Не смей! Не смей!»

– «А что ты мне сделаешь? Ну? Оч-чень интересно...»

Вера снова видела это лицо – уже начинающее полнеть, в жирных складочках прятались маленькие глаза, – а рабы выполняли приказ... Нет, Вера на рабов не злилась. Они и злобы не заслуживали... Они просто участвовали. Как в демонстрации с красными флажками и шариками. Точно так же...

Главный в той компании, которая насильовала ее, вот кто волновал Веру.

А он был жив и здоров, доволен жизнью и – черт его подери – знаменит и богат.

«Прости, Господи, но у меня никак не получается с этим смириться», – прошептала Вера.

* * *

Пенс шел, почти не различая дороги. В глазах его было темно. То, что он сейчас узнал, заставило его сердце бешено колотиться.

Поднявшись по ступенькам, он вошел в подъезд, поднялся на пролет и в недоумении остановился.

Прямо на него из полумрака смотрели две физиономии.

В висок ткнулся ствол револьвера, сразу ударил в нос запах пороха.

– Ну, Пенс? Что там у нас нового с Толстым?

Пенс зажмурился, чтобы не видеть этого парня.

– Оставьте меня в покое, – сказал он, надеясь, что голос у него будет звучать нормально, но горло сдавила холодная рука страха, и поэтому голос получился хриплым.

– Оставим, если подпишешь вот эту бумажку. Что берешь все на себя. И не вздумай орать, я выстрелю. Ты понял, Пенс?

Пенс кивнул. Сейчас он надеялся только на одно – на то, что слезы, притаившиеся в уголках глаз, не прольются. Дрожащими пальцами он взял предложенную ручку и расписался. Прекрасно понимая, что в данный момент, возможно, подписал себе смертный приговор.

– Вот и умница, – насмешливо протянул один из нападавших. – Просто леденцовый мальчик...

Потрепав Пенса по голове, он ласково пропел:

– А револьверчик был незаряженный, детка.

С этими словами он махнул рукой второму, и они стали спускаться с лестницы.

На последней ступеньке он обернулся и сказал:

– Завтра придет Хозяин, сынок. Приготовься к встрече...

Они ушли, оставив Пенса сидеть на ступеньке, ошарашенного и испуганного. Но в последний момент Пенс вскочил, ярость переполнила его.

– Я готовлюсь, – прошептал Пенс одними губами. – Я хорошо готовлюсь к встрече Хозяина!

* * *

Мой рабочий день подошел к концу. Назвать его «рабочим» – какое кощунство! За весь этот день никто ни разу не набрал наш номер. Ларикив постоянно куда-то исчезал, потом возвращался ненадолго, прятался в проявочной, что-то искал в компьютере и опять исчезал. Наконец, появившись в очередной раз, посмотрел на меня изумленно и сказал:

– Сашенька, девочка моя! Уже половина восьмого! Вам давно пора домой!

Я поперхнулась, потому что я так и не поняла, зачем я ему вообще нужна.

– Андрей, – начала я. – Я вас не устраиваю?

Он вылутился на меня и переспросил:

– Не устраиваете? С чего вы взяли, Сашенька?

– Дело в том, что за целый день я не получила от вас ни одного задания. Вы взяли меня к себе в качестве уборщицы? Или просто из милости – как специалиста никому не нужного старофранцузского языка?

Кажется, обида все-таки пробралась незаметно в мой голос – он предательски дрожал.

– О боже! – воскликнул Ларикив, схватившись за голову. – Саша, ангел мой, что вы придумываете? Да ничего подобного! Просто пока я не могу вас взять с собой – извините. Да и нужны вы мне именно в офисе, потому что я жду звонка. А насчет вашего комплекса по части старофранцузского языка – почему вы считаете этот предмет таким ненужным?

– Да чем он может пригодиться? – горько усмехнулась я. – У нас что, астральная связь с французами тринадцатого века?

– Нет, Саша. Просто я думаю, что человек, выучивший этот язык, обладает завидным терпением и недюжинным интеллектом. Так что не надо вам комплексовать по поводу своих умственных способностей. Давайте-ка мы завтра с вами обо всем поговорим, а сегодня вы устали.

Он взглянул на меня неожиданно жестко, и я без труда догадалась, что сей приговор обжалованию не подлежит. Впрочем, на душе стало спокойнее – мне нравился мой босс, и, значит, если он ничего не имеет против, мы будем работать вместе.

* * *

«Если бы у меня было столько врагов, сколько у тебя, я бы предпочел покончить с собой». Он снова и снова стрелял по этой мишени.

Ему нравилось видеть, как тонкая бумага рвется под ударами свинца. Ему нравилось вешать новый плакат и наблюдать, как эта самоуверенная улыбка становится натянутой, потом испуганной, а потом исчезает совсем.

Когда к нему приходило успокоение, он садился и долго смотрел на свои руки. Руки, которые уже год принадлежали не ему.

Обычно он был холоден, не испытывая никаких эмоций – работа есть работа. Но теперь его работа совпала с чаяниями его души.

Тот, из-за которого его жизнь превратилась в ад, должен был стать его жертвой.

– Как тебе нравится быть «заказанным»? – усмехнулся он, смотря на фотографию.

Он забыл, как улыбаются. Его лицо пугало окружающих – люди шарахались, встречая взгляд его серых глаз.

– Завтра, – прошептал он.

«Завтра», – ответили ему эхом стены подвала.

Из угла выполз огромный паук, которого он купил в зоомагазине. Временами ему начинало казаться, что он почти привязался к нему, забыв, зачем он когда-то приобрел этого мохнатого уродца.

Но сейчас он взглянул на него, и ему почудилось, что из-под панциря мигнули хорошо знакомые ему маленькие глаза.

– Урод, – пробормотал он.

Протянув руку, он взял паука и поднес его к свету. Лапки паука задергались, он попытался спрятаться, но рука спокойно сжала это трепещущее тело, и паука не стало.

– Завтра, – проговорил человек с холодными серыми глазами.

* * *

По дороге я опять вспомнила про Пенса и решила нанести визит.

Вот такая я ужасная особа! Человек прячется от меня в кокон собственных несчастий, а я пытаюсь растормошить его, вытащив оттуда, дабы показать ему, что все совсем не так уж плохо, как ему в данный момент мерещится.

Пенс жил в четырехэтажном доме, очень уютном и симпатичном. Я поздоровалась с соседкой Пенса, которая сразу налетела на меня со странными рассказами о том, что «Сережка опять куда-то вляпался».

– Представь себе, Сашенька, сегодня его тут пара каких-то отъявленных мерзавцев дожидалась, а потом в воздухе гарью пахло... Будто бумагу жгли.

Тетя Люся выкладывала мне все это торопливо, боясь, что я убежу. Или убежит ее трехлетний внук, которого она держала за руку, периодически прикрикивая на него:

– Витька, сидеть!

Витька сидеть отказывался и орал.

– А он дома? – спросила я.

– Сейчас? – прокричала мне в ответ тетя Люся. – Конечно. С какими-то бандитами пришел. Рожи у них, Саш, хуже не бывает. Да заткнись ты, паршивец, у меня глаза на лоб от твоего крика вылезут. Ты лучше не ходи туда, Сашенька. Я вообще думаю, может, милицию позвать? Галя жалуется, что Сережка сам не свой последнее время.

Галей звали Пенсову мать.

Витька выдал очередную порцию «благотворного мата», который я перекричать была не в состоянии. Поэтому я махнула рукой и пообещала тете Люсе ни в какие истории не вляпываться, а если пришедшие с Пенсом люди действительно покажутся мне бандитами, я немедленно спущусь и мы вдвоем вызовем милицию.

Хотя, на месте милиции, я бы уже давно приехала, поскольку плач неразумного дитяти стал напоминать пожарную сирену.

Поднявшись, я позвонила в Пенсову дверь и услышала осторожные шаги.

– Кто там? – спросил Пенс, выглядывая в открывшуюся щелочку, ненадежно охраняемую цепочкой.

– Это я, юная леди Годива на белоснежном коне. Открывай, Пенс.

– Сейчас, – вздохнул он и уже начал было открывать, но передумал и спросил с надеждой:

– А может, ты попозже зайдешь?

– А может, я вообще к тебе больше не приду, потому что меня немного напрягает, когда мне каждый день указывают на дверь?

– Я не один, – прошептал Пенс, пряча глаза.

– Разврат меня не смущает, – отпаривала я. – Матримониальных планов в отношении тебя у меня тоже нет, не надейся. Поэтому открой дверь, или я ее выломаю с милицией.

Он тяжело вздохнул и открыл дверь.

В нос ударил запах дешевого спиртного.

– О черт! Ты что тут, «арпачаем» решил развлечься? – простонала я.

Он грустно помотал головой, отрицая свою причастность к потреблению гнусного напитка.

Воздух был так насыщен парами алкоголя и табаком, что я возмечтала о противогазе.

– Пенс, что здесь происходит? – спросила я, делая шаг в сторону кухни.

Он попытался преградить мне дорогу, но было уже поздно. Я отодвинула его и оказалась лицом к лицу с двумя пьяными особями мужеского пола омерзительной внешности.

– Да уж, – вздохнула я, разглядывая двух представителей человечества, явно не обремененных муками совести и размышлениями о смысле бытия. – Права была тетя Люся... Что-то очень они на бандитов похожи, с чего бы это, а, Пенс?

* * *

Сначала они на меня отреагировали довольно вяло – по принципу «рыба не мясо, баба не человек». Один, с жалким подобием кудрявой шевелюрки над узеньким лбом, окинул меня похотливым взглядом и хохотнул.

– Что, Серега, подружка твоя? – поинтересовался он, заговорщицки подмигнув.

Я подавила в себе острое желание разбить о его голову тарелку и уселась на табуретку.

«Спокойно, Александрина, не лезь в бутылку, – сказала я себе. – Сначала прикинем ситуацию, а потом решим, какую маску сегодня надеть».

Пенс пробормотал, что я его сестра, что было недалеко от истины, и тогда пара кретинов решила меня поразить в самое сердце. Через пять минут я уже знала, что один, весь в черном, с загадочным лицом, косит под вора в законе, а второй, с шевелюжкой и хитрыми глазами, пытается произвести на Пенса впечатление умного человека со связями в ФСБ, что ему плохо удастся. Пенс сидел абсолютно растерянный и тревожно вращал глазами.

Еще через пять минут я поняла из их бессвязных речей, что Пенса кто-то вроде собирается убить и они согласны взяться за устранение этого страшного человека за двадцать пять кусков.

– Иначе, Серега, нельзя... – Черный «принц» говорил доверительно и авторитетно. – Если они с Толстого денег не возьмут, пришьют тебя. Тем более ты на себя все долги переписал. Так что доставай деньги, плати нам – мы все твои проблемы разрешим.

Я сразу засомневалась, что у них это получится. Глядя на них, у меня создалось впечатление, что их жизнь полна самых навороченных проблем, и это они должны заплатить нам, чтобы мы помогли их решить. Одной из несомненных проблем была их глупость.

Но Пенс что-то не спешил выкинуть их вон, а доверчиво слушал и кивал.

– У меня нет таких денег, – растерянно пробормотал он.

– Достань, Серега, – прогундосил черный, – мы ж добра тебе хотим...

– Сколько нужно? – спросила я, понимая, что желательно от них отвязаться поскорее, пока Пенс не растекся от умиления.

– Я же сказал, двадцать пять... Но сойдемся и на двадцати.

– Я спрошу у одного своего друга, – деловито сказала я, закуривая сигарету. – А вы позвоните завтра. Пойдет?

– А как же Серега ночью, без нас? Вдруг эти, с оружием, явятся?

– Не явятся, – пообещала я. – Я с ним останусь. Буду хранить его как зеницу ока.

Пенс напоминал мне моченое яблоко, а эта пара все не уходила, пытаясь отвоевать прежние позиции.

– Послушайте, – не выдержала я. – Вы денег хотите? Значит, идите отсюда. Завтра я позвоню, оставьте мне телефон. А сейчас Пенсу надо спать. И мне, между прочим, тоже...

Кажется, до них все-таки дошло, что они лишние. Сохраняя достоинство, они попрощались со мной тепло, черный даже попытался меня поцеловать на прощание.

Я закрыла за ними дверь и вернулась в вонючую кухню. Открыв окно, я простонала:

– Господи, Пенс! Почему тебя нельзя оставить даже на минуту? Что это за товарищи по партии? Где ты подобрал эту шваль, в какой помойке?

– Сашка, что ты натворила...

Пенс говорил еле слышно, с ужасом смотря на дверь.

– Выгнала этих алкашей, а что? Тебе они были дороги?

– Сашка, это же... Бандиты! Они же нас убьют!

Он смотрел на меня с таким страхом, что я невольно обернулась на дверь, за которой скрылись два «бандита».

– Эти? – переспросила я. – Да брось, Пенс! Это не бандиты. Это обычные ментовские «шестерки».

– Сашка, нас убьют! – продолжал он как заведенный. – Откуда у тебя друг, способный выложить им двадцать кусков?

– От верблюда, – объяснила я. – Про друга потом, сейчас расскажи, что за история с тобой приключилась?

Но, взглянув на часы, я попросила его немного подождать и позвонила маме.

Сообщив ей, что мне придется сегодня остаться у Пенса на ночь, я вернулась и села напротив.

– Ну? Я внемлю, мой рыцарь!

Он поднял на меня глаза, и все мои приколы исчезли. Потому что Пенс никогда не смотрел раньше ТАК.

То, что с ним сейчас творилось, было непонятно и страшно. Пенса кто-то ломал – и я первый раз видела, как это происходит, когда из нормального человека пытаются сделать дрожащую, рабскую тварь!

Глава 3

Самолет приближал Тарантула к городу его юности. Он смотрел в стекло иллюминатора, пытаясь представить себе свое триумфальное шествие по этой земле, где он из подростка с тонкой шеей и большими ушами, забитого и третируемого одноклассниками, превратился в себя теперешнего.

Его тонкие губы змеились в улыбке. Прикрыв глаза, он позволил себе расслабиться в воспоминаниях.

Когда-то он не был таким всемогущим, как сейчас. Когда-то он только набирал по крупицам свое «Я». Именно так – с большой буквы!

Ему вспомнилась мать, которая не позволила ему пойти в музыкальное училище. Тогда она руководила отделом культуры в горкоме – какая чушь, усмехнулся Тарантул. Тогда дети высокопоставленных чиновников шли в медицинский институт. Туда был отправлен и Саша Кретов, еще не ставший Тарантулом.

Если быть честным, его никогда не интересовала медицина, и анестезиология в частности, которой он, по воле матери, посвятил себя. Куда больше его тянула власть над толпой, а такую он мог получить только на сцене.

Он вытер со лба пот – от этой духоты можно было сойти с ума! Голова болела, уши были заложены.

Самолет приближался к Тарасову.

* * *

После бессонной ночи, по заверениям поэта, «слабеет тело». Мое тело точно ослабело – не знаю, как я вообще добрела до работы.

Всю ночь я пыталась выжать из Пенса правду, и вот что мне удалось выяснить.

Все произошло из-за страстного желания Пенса разбогатеть. Дураков, подобных ему, шарлатаны ловят быстро, без особых усилий. Появился некто Толстый – элементарный попрошайка – и предложил ему вложить деньги в минералку. У Пенса своих денег было немного, но, подсчитав несуществующие доходы, Пенс решил, что надо занять. Вот и назанимал на свою голову... Толстый вертелся, как карась на сковородке, обещая, что привезет деньги, на Пенса наехали кредиторы – в общем, весь их бизнес закончился встречей в темном подъезде и налицем странненьких «защитников», которые мне отчего-то напоминали стервятников, задумавших попользоваться бедственным положением Пенса.

Имени своего главного и самого опасного кредитора Пенс назвать не решился, но я хорошо помнила, как незадолго перед этим Пенс ездил в Москву. Значит, вполне возможно, именно оттуда и поступила часть субсидий.

Надо было позвонить защитничкам, которые уже вождели сладкий момент получения денег и наверняка приняли нас с Пенсом за круглых лохов, радуясь, что им так легко удалось подцепить таких идиотов... Я набрала номер.

Трубку подняли сразу – ждали моего звонка с нетерпением.

– Привет, это Александрина, – сообщила я безмятежно. – В общем, дело обстоит так...

– Он не дал денег, твой знакомый?

– Да нет. Денег он может дать, но... Он сказал, что через неделю вы потребуете еще. Потом еще. И так будет до второго пришествия. Он поставит Пенсу охрану – так что он велел вам дать отбой...

– А кто он такой? – спросил мой абонент, затаив дыхание.

– Какая разница... Какой-то босс, из тех, кто заправляет охраной... На рынке. Судорожный всхлип на другом конце провода заставил меня усмехнуться.

Я же говорила Пенсу – «шестерки»!

– Чего же ты сразу не сказала, что у тебя такие друзья?

– А вы спрашивали? – поинтересовалась я невинным голосом. – Ладно, пока. Мне некогда.

Я повесила трубку и, мечтательно улыбаясь, посмотрела на свое отражение в зеркале.

– Какая же ты бываешь умница, рыжая! – сообщила я самой себе.

Настроение сразу улучшилось. Хотя я и понимала, что эти люди не главные Пенсовы противники. Они действовали от более слабого кредитора. Во всяком случае, мне так казалось.

Во-первых, этот тип был куда более тривиален в подходах. Во-вторых, он просто пугал Пенса, говоря блатным языком – «брал на понт». Вряд ли Пенс боялся бы так, если бы только этот человек представлял для него угрозу.

Нет, был кто-то еще.

И этот кто-то пока оставался в тени...

* * *

Вера стояла в толпе встречающих и смотрела в небо. Там, едва различимая, приближалась и росла точка...

Вот сейчас произойдет то, к чему ты так долго стремилась, Вера. Ты посмотришь ему в глаза. Что ты там собиралась увидеть? Раскаяние? Страх? Брось, Вера, – Тарантулы не испытывают подобных чувств... Они уже давно перестали быть людьми, превратившись в бесов.

«Грех порождает грех»...

Вера сжала в кармане рукоятку небольшой, но надежной «беретты».

«Не убий».

– Тогда убей его сам, Господи, – усмехнулась Вера.

Сейчас вряд ли кто-нибудь узнал бы ее. Она ничем не выделялась из толпы поклонников – узкие черные джинсы, черные очки и куртка делали ее одной из многих. Одной – из стада!

Недалеко от нее стояли байкеры – их железные звери были готовы торжественно взречься моторами, приветствуя Тарантула.

Когда-то Вера тоже это любила. Но именно из-за мотоциклов разрушена сейчас ее жизнь. Самолет снижался. Сердце Веры, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

* * *

Лидия Владимировна вытерла пот со лба, и только мелкая дрожь в руках выдавала ее волнение.

Чтобы не привлекать к себе внимания, она осталась в стороне, на лавочке. Узкая дамская сигарета дрожала в ее пальцах.

Толпа поклонников была готова взорваться радостным воплем.

Лидия Владимировна усмехнулась. Боже, почему людям так необходима стадность? Что они находят в этом жирном слизняке, почему они каждый раз поют ему осанну?

Понять этого она не могла.

В голове стучало только: «Вы мешаете мне работать. У меня сейчас операция».

Это был он?

Сколько лет она хранила в своей груди ненависть и жажду мести? Сколько лет она доставала револьвер, разглядывая его, готовясь к шагу, который казался ей необходимым?

Именно теперь ей было это уже не важно. Она не хотела убивать его. Она бы предпочла оставить его в живых и наблюдать, как его массивное тело разлагается при жизни.

* * *

– Лиза?

Он взял ее за руку.

Ее лицо было очень бледным.

– Лиза, может быть, пойдем домой?

Она покачала головой.

– Виктор, мы должны его увидеть!

– Хорошо.

Он пожал плечами. Ему вся эта затея не нравилась. В конце концов, какая глупость – стоять в толпе недоразвитых подростков, ожидая их кумира! Зачем? Чтобы в очередной раз увидеть лицо убийцы их ребенка?

В нем уже не оставалось сил, чтобы сдержаться. Больше всего он боялся, что, подчинившись первому, сильному порыву, он достанет из кармана револьвер, и...

Лиза смотрела на него, не отрывая глаз. Иногда ему казалось, что она читает его мысли.

– Я этого не сделаю, – успокоил он ее.

Она облегченно вздохнула. Потому что сделать это должна была она сама.

* * *

Когда я нахожусь в глубоком раздумье, я иногда начинаю разговаривать сама с собой. В форме диалога истина вырисовывается легче, не так ли? Иногда я воображаю себя разговаривающей с Вийоном. Но сейчас... Сейчас, увы, сей авантюрист мало чем мог мне поспособствовать.

Я сидела, уставившись в одну точку, и пыталась оправдать собственную глупость, которую только что совершила. Почему у меня действие происходит раньше осмысления? Наверное, именно из-за этой дурацкой черты моего характера я вляпываюсь в истории!

«И где же ты найдешь охранников, Сашка?»

«А нигде, – призналась я самой себе. – Может быть, все обойдется?»

«Типично русская черта – сплошная рок-опера. «Юнона» и «Авось». Придут они проверить, кто охраняет Пенса, – а никого нет. Только разве что ты сама изобразишь из себя «братву». Вот еще и Ларчика возьми. Очень будете эффектно смотреться на пару. Лица у вас, прямо скажем, типичные для такого рода деятельности...»

«Может, мы новая формация, – огрызнулась я. – Бандиты из интеллигенции... Некуда нам податься, вот мы и пошли на большую дорогу. Цены растут, а денег вечно не хватает».

«Ага. Значит, такой вот у нас новый способ. «Простите, нельзя ли ограбить ваш банк?»

«Да мы и не собирались».

– Что не собирались?

Голос был не мой. Я подняла глаза и увидела Ларикова, который стоял, открыв рот и округлив глаза.

– Саша, вы с кем-то разговаривали?

Мамочки, простонала я. Он теперь наверняка подумает, что у меня не все дома, и постарается тактично от меня избавиться! Я уже возомнила себя крутым детективом, а тут все летит к чертям благодаря моей несдержанности!

– Так легче думать, – призналась я.

Он кивнул и сел напротив.

– У вас проблемы, Саша?

Я помотала головой.

– С чего вы взяли?

– Вид у вас немного взъерошенный, – улыбнулся он. – Такое ощущение, что на вас наехали бандиты...

– Нет, это я на них наехала, – сообщила я.

Он, как ни странно, сей беспрецедентный факт наезда на бандитов вполне приличной с виду девицы воспринял спокойно.

– Сашенька, вы кофе варить умеете?

От удивления я открыла рот. Какой же он безмятежный!

– Умею.

– Тогда будьте другом, сварите кофе. А мы с вами потом обсудим вашу проблему и что-нибудь придумаем. Безвыходных положений не бывает.

– Кроме смерти.

– Да бросьте, Саша.

Я отправилась на кухню делать кофе. По радио продолжалась мощная подготовка к скорому явлению на нашей земле Тарантула.

– «И в воздух чепчики бросали», – процедила я сквозь зубы, слушая захлебывающийся от восторга девичий голос. – Добро пожаловать на шабаш!

Кофе начал подниматься, я сняла его и опять поставила на маленький огонь.

Наконец я сочла его готовым и торжественно внесла свой шедевр пред очи моего босса.

Он пристально смотрел в окно с тем странным интересом, как будто там уже появились ангелы или, наоборот, пролетают ведьмы на свою тусовку по случаю приезда Тарантула.

Опять Тарантул! Что мне Гекуба? Сама я на концерт его не пойду и, вообще, надеюсь, меня этот визит не затронет! Однако я все время о нем думаю. Говорят, что раздражение влечет за собой хвори и недуги. Поэтому лучше не раздражаться. Делать вид, что никакого Тарантула нет в природе.

Я поставила перед Лариковым чашку и смиренно села напротив.

– Спасибо, – меланхолично поблагодарил он меня. – Так что у вас там за история приключилась?

– Да ничего особенного, – постаралась я уйти от разговора. Сейчас мне совсем не хотелось обнародовать собственную самоуверенность и глупость.

– Нет уж, Саша. Давайте будем с вами откровенны друг с другом. Вы сейчас, возможно, находитесь в опасности, и я не хочу быть виноватым, если с вами что-то случится. Кто эти люди, на которых вы наехали? Почему вы это сделали? Давайте подумаем вместе, как вам выйти из положения!

Я взглянула ему в глаза. Он оставался спокоен и рассудителен. Завидный характер! Сама я похожа на легко воспламеняющийся бензин – стоит только поднести спичку, и все. Пожар обеспечен.

А Лариков спокоен.

– Ладно, – согласилась я. – Только не говорите, что я ужасная идиотка, – я это и сама знаю.

– Не скажу, – улыбнулся он.

И я начала свой рассказ.

* * *

Дар увлекать слушателя у меня всегда был. Главное – удержаться в рамках приличий и не очень привирать. А уж к фантазиям моя головушка была склонна с самого детства. По

принципу – если у нас этого в жизни нет, придумаем. Если вы когда-нибудь смотрели чудесный фильм «Вредный Фред», то вы все поймете. Только в отличие от вредного Фреда, который по жизни сопровождал героиню фильма, отчаянно мешая ей стать скучной, мой «вредный» приятель из снов и фантазий когда-то существовал реально. Звали его Франсуа Вийон. Не знаю, что привлекло к нему мое юное сердце, но так уж случилось.

Сейчас я пыталась по мере сил сдерживать свою буйную фантазию, дабы не запутать бедного Ларикова. Зачем превращать его жизнь в сплошное недоразумение?

Выслушав меня, он покачал головой, повертел в руках свою чашечку с кофе, рассматривая кофейную гущу с таким видом, будто он профессиональная гадалка, и вдруг расхохотался.

Я вытаращилась на него, поскольку у меня никакого желания веселиться не было.

А Лариков все смеялся, изредка бросая на меня взгляды. – Сашенька, вы прелесть! – сообщил он мне. – Как вы додумались до этого?

Я уже собралась ответить ему, что я и не думала особенно, просто ляпнула первое, что пришло в мою голову. Что у меня вообще всегда так – я сначала сотворю какую-то глупость, а потом обдумываю последствия. Но разочаровывать моего работодателя не хотелось. Я сделала вид, что над данной выходкой пришлось поразмыслить основательно, и скромно сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.